
Эллен Стар
Мой тайный враг

Эллен Стар

Мой тайный враг

Серия «Поймать мечту. Молодежные романы Эллен Стар»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74741636
Стар Эллен. Мой тайный враг : роман.: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-256761-2

Аннотация

«Мой тайный враг» – волнующее завершение дилогии «Хрупкие чувства» Эллен Стар. Трогательная история о первой любви с тропами «леди и бродяга» и «от друзей к возлюбленным».

Ася. Мы сделали все, чтобы стать друг другу чужими. Теперь каждый день – очередная попытка доказать, что врозь нам будет лучше. Я учусь жить без чувства вины, стараюсь наладить отношения с семьей… но все равно не могу перестать думать о Диме. И о Демьяне, рядом с которым, как оказалось, забыть лучшего друга еще труднее.

Дима. Быть Демьяном проще, чем быть собой. Играя эту роль, я могу оставаться рядом с Асей, хотя кажется, что прятаться больше невозможно. Я боюсь одного: не отвернется ли она окончательно, когда узнает, кто скрывается под маской. Или все-таки выберет настоящего меня?

«Эта история заставит вас вновь поверить в настоящую любовь. Ася и Дима взрослеют, принимают непростые решения – и все равно снова и снова выбирают друг друга. Пронзительный финал дилогии о чувствах, которые оказываются сильнее любых запретов». – Алиса Тиллит, писательница

Содержание

Плейлист 6
Глава 1. Падение с высоты 8
Глава 2. Лгунья 27
Глава 3. Школьная проблема 36
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Эллен Стар
Мой тайный враг

© Стар Э., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026
Иллюстрация на переплете Miorin
Внутренние иллюстрации Анастасии Акируш

Плейлист

привет. – навздохе
Падай-поймаю – ORXAN
Обнять и держать – Глеб Петров
Сериал – Сова
Нравишься – HILME, Женя Петров
Попрошу тебя – MONA
потанцуй со мной – тима ищет свет
пластинки – Дурной Вкус
То что во мне – Куртка Бейна
На повторе – Вишневый Закат
Может быть – дмитревна
Выжигай – Рэки
поцелуи-пистолеты – baur karbon
на разных полюсах – yuratravis
сколько дней – NotBerry

Просто заткнись – рибс
Без тебя – Rozhden
Я знаю ты вернешься летом – passmurny

Глава 1. Падение с высоты

Кончики пальцев жгло от холода. Мурашки танцевали на коже, а с потрескавшихся губ срывались облачка невесомого пара. Корсет сдавливал ребра, длинная многослойная юбка путалась в ногах.

Ася вглядывалась в экран разряжающегося мобильного. Сердце кувалдой било в грудь, казалось, до хруста ребер. Оставалось меньше пяти минут до официальной части мероприятия в «Белом лотосе», а она все еще не могла выбраться.

Угораздило же ее спрятаться от девочек из танцевального коллектива в морозильной камере! Все вышло совершенно случайно – она как раз возвращалась из туалета, где пыталась ледяной водой смыть со своей души тревогу перед предстоящим выступлением. И услышала разговор двух девочек, которые сплетничали о ней. Ася успела узнать о себе столько нового, пока на деревянных ногах, с несгибаемой, как ржа-

вый прут, спиной и гордо поднятым подбородком шла им навстречу. А потом, стуча каблуками по мраморным ступеням, вниз, дальше от сплетен, противного смеха и унижений, спустилась по лестнице. И со сжавшимся в комок сердцем выдохнула. Но ненадолго.

Услышав шаги, гулким эхом разносившиеся по темному коридору, она рванула к ближайшей двери так, словно за ней гналась стая собак. В груди все горело, в легких не хватало воздуха, голова кружилась. В глазах билось: «Спасите!»

И вот она – ручка двери, что решит все проблемы. Пальцы сомкнулись на ней, дернули. Сильнее. Паника стучала в висках, подгоняя, жалила кожу. Шаги приближались. Ее плечо вдавилось в дверь, и та со скрипом поддалась, впуская Асю в ледяные объятия помещения. Под ногами хрустнула ледяная крошка льда, в нос ударил запах замороженной рыбы. Дверь за ее спиной благосклонно захлопнулась, будто согласившись помочь ей отгородиться от общества добровольно-принудительным путем.

Так Ася и оказалась заперта на морозильном складе в окружении ящиков с морепродуктами и парящей в звенящем воздухе ледяной пыли. Из маленького круглого окна где-то высоко-высоко, у самого потолка, пробивался тусклый свет фонаря. О том, чтобы через него пролезть, и думать было нечего. Не с ее гномьим ростом и грацией подбитого лебедя, это точно. Она, скорее всего, пока будет карабкаться по ящикам, как несостоявшаяся женщина-кошка, где-то еще

застрянет. Или ящик проломится, и она окажется внутри в обнимку с мертвой рыбой. *Бр-р!*

Связи здесь тоже не было. Низкая температура словно все ставила на паузу. Ледяной воздух обжигал кожу.

Могу я хоть раз войти куда-то нормально и не застрять!

Закрытая дверь казалась с каждым вдохом все ближе, стены сжимались, лишая легкие воздуха. Ася ненавидела замкнутые пространства. Быть запертой. Она сразу казалась себе маленькой, беспомощной, а мир – огромным и злым. Мир, который мог схлопнуться в любой момент, оставив после себя лишь пустоту, четыре стены и одиночество, что будет драть когтями изнутри. И не будет этому конца.

Ася старалась не поддаваться тихому голосу в голове, упрашивающему ее лечь на пол, свернуться в позе эмбриона и больше ничего не делать. Сколько часов в детстве она, плача, провела в этом положении на ковре в своей спальне, не пересчитать. И всего несколько из них – когда удушающая темнота озарялась светом. Она дрожала, сыпалась на нее осколками разбившегося стекла, а затем в оконном проеме появлялась смущенная улыбка Димы, пробирающегося к ней в комнату. Немного виноватая, неловкая и совершенно очаровательная. Он точно извинялся безмолвно: *«Извини, я разбил твое окно и устроил беспорядок. Я уберу, честно»*.

И хоть номер наполнялся лишь слабым лунным свечением, пока Дима с невозмутимым, важным видом, от которого хотелось хихикать, пытался перекинуть ногу, для Аси все

вокруг горело золотом. Словно они перенеслись на детский праздник. А потом он обнимал ее так, что дыхание замирало на губах, что хотелось кричать от избытка чувств. И у Аси наконец получалось сделать вдох.

Только Дима больше не станет вытягивать ее из темноты. Ася все разрушила. Горечь подступила к горлу, в глазах заплескалась боль. Мальчишка, что склеивал ее трещины, дул на каждую ее ранку, смеялся с ней в самые грустные дни,– исчез. Остался только его образ, дрожащий в воспоминаниях летним знойным солнцем, обжигающим озябшую после ледяной морской воды кожу. Ася не любила солнце, но, оставшись без него, готова была сгореть в его жаре, лишь бы вновь ощутить *его* прикосновения.

Какая ирония.

Правда, несколько минут спустя эта мысль испарилась из ее сознания. Развеялась прахом.

Дверь открылась так внезапно, что из горла Аси невольно вырвался крик, разбившийся о застывший воздух. И она тоже застыла, подобно статуе в музее. С замороженной рыбой – и соседом по несчастью – в руках, которую схватила с обреченно брошенной фразой: «Йорик, только ты у меня остался».

В дверях показался спаситель. Вероятно, у него был радар на запертые двери, которые он всегда так эффектно распахивал, что обычно летела пыль, щепки и сердце Аси – прямо в пропасть. *Нет, правда. Это его тайная работа? Ему за нее*

доплачивали? Или же вселенной просто нравилось ставить ее в самые неловкие положения перед ним.

Дима Котов.

Кто же еще! Ну хоть кто-то другой, серьезно.

Но нет, он не собирался так просто уходить с поста ее персонального солнца. И дать Асе хотя бы крохотную передышку от чувств, звенящих внутри подобно битым стеклам.

Дима замер, изумленно вскинув брови. Ящик, который он прижимал к груди руками в рабочих грязных перчатках, с грохотом упал ему под ноги. Асю оглушило. Сердце провалилось в пятки. Дима же, взвыв, выругался и схватился за ногу, принявшись прыгать на другой, часто моргая. Похоже, ее придавило. Ася с волнением наблюдала за ним, раздумывая: лучше спрятаться или же для надежности притвориться трупом?

– Простите, – хрипло выдохнул Дима, насмешливо склонив голову, отчего непослушные кудряшки очаровательными пружинками упали на его горящие праведным гневом глаза – там зелень вскипала от боли, несправедливости, что с ним произошла, и смеха, что был адресован Асе, которая все еще держала в руках «бедного Йорика». – Виноват.

Виноватым Котов не выглядел. Скорее, очень довольным, не считая полученной травмы. Он прокашлялся, послав по коже Аси мурашки. И с фирменной усмешкой, запинаясь, произнес:

– Мне оставить вас? Я помешал вашему уединению с Йо-

риком?

Дима привалился плечом к дверному косяку, страдальчески разглядывая ушибленную ногу. Ася была в шаге от того, чтобы приказать ему принять положение сидя, расшнуровать эти проклятые кеды, на которых шнурки вечно были завязаны на морские узлы, не меньше, и приложить этого самого Йорика к ушибу Котова. Если там, конечно, не перелом, иначе Йорик будет бессилен. А у Аси наверняка случится паническая атака.

Она и без того встревоженно, не дыша, оглядывала Диму. А в мыслях крутилось: «Я чуть его не убила». И пусть это было преувеличением, но сердце в груди все равно испуганно металось.

А что, если Дима теперь не сможет работать?

Ася часто-часто заморгала, держась из последних сил.

Они ведь теперь друг другу никто. Ей должно быть все равно. Пусть хоть эта нога у него отвалится.

– Волгина, серьезно, ты настолько в отчаянии?

Котов нахально выгнул бровь. Ася заметила это даже в полумраке коридора, и Дима показался ей до невозможности теплым. Загорелая кожа, на фоне которой форменная белоснежная рубашка едва ли не слепила глаза. Темные, шоколадные кудри, рассыпавшиеся в беспорядке по лбу отросшей челкой. Летняя зелень глаз, от которой, как обычно, перехватывало дыхание. Там, в радужках, танцевали искорки солнца, мерцала сама жизнь и простиралось бескрайнее по-

ле – в них хотелось упасть и забыться волшебным сном.

Стоило признать, что по меркам ледяной температуры в морозильнике Котов и правда был *теплым*. Остальное мозг разукрасил сам, вдохнув в воображаемый набросок яркие краски. То есть в полумрак, откуда выглядывал Дима с дразнящей золотой пыльцой в глазах. В теории. Ася помнила, какой у него бывал взгляд, когда он заставал ее в самых нелепых ситуациях.

Да, она настолько ***отчаялась***.

Голос Димы звучал где-то очень далеко. Будто под толщей воды, скованной слоем льда. Точно из самой глубины, куда даже солнце не могло пробиться. Холод давно жил у Аси под кожей. Ася так продрогла, что уже было плевать на то, что он застал ее сценку, пока разум искал выхода, спасения от страшных мыслей, утопая в сгущающемся мраке воспоминаний.

Она бросила на пол заледенелую рыбину, от которой онемели пальцы. В груди все забушевало, подобно начавшемуся урагану. На потрескавшихся губах расцвела шкодливая, немного сумасшедшая улыбка.

Пусть Дима ее ненавидел.

Пусть смотрел на нее, как на человека, разрушившего все между ними.

Пусть его слова ранили ее сердце.

Котов был *ее. Все еще* ***был.***

Пока она сама будет так считать.

Давай же, Котов.

Убей. Коснись.

Ася сорвалась с места, оглушенная, невесомая, и со сбившимся дыханием врезалась в Диму. Обвила его ледяными руками, прижалась так, что жар его тела чуть не отбросил ее ударной волной. Щека врезалась в окаменевшую от напряжения грудь. Смех застрял в грудной клетке.

И время замерло. Воздух зазвенел, все еще холодный, царапающий кожу. Дима, явно ничего подобного от нее не ожидавший, начал отступать, пока с глухим звуком не врезался в стену. Ася привычно провела пальцами по его позвонкам через тонкую ткань рубашки. Казалось, они оба не могли сделать вдох.

Где искать воздуха, когда все внутри раскалено до предела?

– Волгина, с каких пор ты бросаешься в мои объятия?

Дима обдал ее макушку хриплым, сорвавшимся шепотом. По коже вновь побежали мурашки. Ася закрыла глаза, отчитывая секунды.

Еще немного.

Ей нужен еще один вдох.

Еще одна искра тепла, что вспыхнет в сердце подобно спичке, брошенной в керосин.

– Одалживаю твое тело, Котов, – так же тихо проговорила Ася, – ты довольно удобная грелка.

Грудь Димы неожиданно затряслась от беззвучного смеха,

и Ася смущенно закашлялась.

– Волгина, только ты могла использовать мое тело… для этого. Тебе подсказать, что существует еще много более интересных способов?

– Например, целовать тебя?

Шепот растворился в густом полумраке. Сердце Аси пропустило удар, а взгляд невольно поднялся к его губам. И внутри обожгло. Укололо желанием.

Она хотела его поддразнить в этом образовавшемся между ними внезапном затишье. Но голос сорвался, и все прозвучало с иной интонацией.

Как просьба. Или потребность.

Это катастрофа.

Где тут поблизости телепорт на Марс? Срочно нужен!

– Что ты, я и не собирался конкурировать с той замороженной селедкой. Ты ей даже имя дала, у вас там явно все серьезно. Но вот «подай-принеси», пожалуйста.

Дима оторвал Асю от себя, взяв за обнаженные плечи. Ася оставила накидку на стуле в банкетном зале ресторана, когда вышла проветрить голову. Прикосновение вышло обжигающим. Ася вздрогнула. От зеленых озорных глаз не скрылась реакция ее тела. Тихая усмешка Димы разорвала наэлектризованную тишину.

Замечательно.

Прежде чем он успел вставить какую-нибудь жутко смущающую фразу, Ася выдохнула, запинаясь:

– К твоему сведению, я замерзла!

– А я ничего и не говорил, Волгина.

– Дрожь – естественная реакция организма на холод.

– Да ты что?

И перед тем, как отстраниться окончательно, Котов провел подушечками мозолистых пальцев вниз по ее плечам, заставляя волоски на руках от этого невыносимо нежного касания встать дыбом.

Вот же демон! Если каждодневный контакт и поддразнивание – она еще выдерживала, то после месячного затишья ее тело буквально вопило, когда Дима ее касался. И заткнуть его не выходило. Каждый нерв – накаленный провод.

– Ты… ты бьешься током.

Ася произнесла это так тихо, что голос поглотили удары собственного сердца. Оно там, в груди, разрывалось.

– А ты – лбом, – прошептал Дима, неожиданно ей улыбнувшись. – Что с тобой, Волгина? Как протаранила меня, думал, ребро сломаешь. Может, все же сломала? Потрогаешь?

Дима, явно забавляясь над ней и этой ситуацией, окинул ее испытывающим взглядом, а затем также медленно, лениво прошелся пальцами по груди, остановившись на маленьких пуговках форменной рубашки. Горячий воздух застрял в горле. Но Ася, держась за последние крупицы ускользающего здравого смысла, закрыла лицо руками и пробормотала:

– О боже, нет, Котов, я не заказывала от тебя очередной стриптиз.

– О чем ты? – Дима наклонился к ней, его теплое дыхание коснулось ее краснеющего лица, а зеленые глаза потянули в свой омут. – Я всего лишь поправлял пуговицы на рубашке. Если тебе все равно на мою жизнь, и ты не будешь проводить осмотр моего тела на признаки повреждений, то хотя бы не показывай это так явно, принцесса.

Дима добродушно щелкнул ее по носу, у Аси все мысли рассыпались. В голове было приятно пусто.

Диму что, подменили? Он что-то задумал? Почему он с ней так любезен?

Подозрительно.

– Котов, ты что-то задумал?

– Зачем мне что-то задумывать, когда я нашел тебя запертой в морозилке, беседующей с рыбой, Ась? – Дима игриво подмигнул, качнул головой и, прихрамывая, с видом огромной занятости вернулся к ящику, который так немилосердно грохнулся ему на ногу. Подхватил его, подставил под дверь какую-то банку, что лежала рядом перевернутой, и зашел внутрь. – Ничего уже не сделает этот день лучше. Моей фантазии на такое не хватило бы.

– Твоей фантазии, Котов, хватило на то, чтобы подмешать в мой порошок черный краситель в прачечной под носом у горничных! И я потом две недели ходила, как дочь готов.

– Ничего не знаю, Волгина. Я просто хотел показать миру цвет твоей прогнившей, эгоистичной души. Как видишь, у меня была благородная миссия.

– Ты приклеил меня к стулу! Что на это скажешь? Хотел показать миру цвет моего нижнего белья, а заодно и всему «Лотосу», когда включилась пожарная сигнализация и я подорвалась с места, как белка, подхватившая бешенство? Кстати, не ты ли, часом, включил сигнализацию?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь. Мне же не пять лет, чтобы таким заниматься, Волгина. Ты же у нас так хотела внимания. Может, сама и подарила кусок юбки стулу? Тебя же потом все жалели – это твое любимое.

Ася прошла за Димой обратно в морозильную комнату и отчетливо увидела его совершенно бесстрастное выражение «святоши», эту маску, за которой, как обычно, скрывались его демоны, что наверняка сейчас раскладывали в голове пасьянс или же мутили очередную схему «изощренной» мести.

После того как они бросили друг другу вызов, Дима отвечал ей своими методами. Что-то походило на розыгрыш, как, например, огромный игрушечный паук в ее рюкзаке, увидев которого Ася запрыгнула на стол и кричала на весь второй этаж. Что-то – на шалость, которая стоила ей гордости и репутации «принцессы».

Неделю назад он прошел через всю столовую, встал на одно колено и поцеловал ее руку, пожелав приятного аппетита на глазах у всей школы. Ору было куда больше, причем не от Аси, онемевшей от поступка бывшего друга. Так, у «принцессы» появился поклонник-хулиган, и внезапно в ее окружении стало гораздо меньше людей. Кто-то не верил, что их

ничего не связывало, но Ася догадывалась, что с ней перестали общаться из-за того, что боялись Диму.

– *Что ты творишь*?– проговорила Ася одними губами три дня назад, когда Дима подхватил ее рюкзак, взял ее под локоть и поволок в сторону класса с саркастичным и елейным: *«Позвольте вас сопроводить, ваше высочество, опасности на каждом шагу. Школьный мир жесток и непредсказуем. Не могу допустить, чтобы с вами что-то случилось»*.

Этот его жест был до безобразия рисованным, фальшивым и дурашливым. Но у школьников от такого поворота после триумфальной сцены в столовой загорелись глаза, а уже к вечеру все соцсети заполонили новые сплетни.

Дима тогда равнодушно пожал плечами, сощурился и так же тихо произнес, только для нее одной, кривя губы в усмешке:

– *Все разрушаю. Нравится?*

Нет. Ей совершенно не нравилось. Но стоило этого ожидать.

Ася теперь жила с ощущением, что под ней пороховая бочка, которая могла в любой момент подорваться. Потому что, если эти глупые слухи долетят до мамы – всему придет конец. И их хрупкому сближению, и совместным ужинам, и репетициям, и маминой благосклонности.

Раньше Дима устраивал другие «сюрпризы». У них на юге редко выпадал снег, а Ася прочитала, что на первый снег можно загадать желание, и тогда оно обязательно исполнит-

ся. И они ждали этот самый заветный снег два года. И когда он в очередную зиму не пошел, Ася оказалась осыпана воздушными снежинками под самый Новый год в коридоре школы. Они были из бумаги, каждая осторожно и красиво вырезанная.

Ася тогда замерла, плененная этим маленьким чудом, ничего вокруг не замечая, а Дима прокричал ей с лестницы:

– Загадывай желание, обезьянка! Я прослежу, чтобы оно обязательно сбылось.

– Загадала!

– Да вслух, дурочка. Как я еще узнаю, чего ты хочешь, чтобы исполнить? Кхм, точнее, чтобы все проконтролировать.

Расфокусированный взгляд Аси, полный искренней благодарности, нашел лучшего друга, что тогда широко улыбался, держа над ее головой уже опустевшее ведро со снежинками. Ей было одиннадцать, и Дима казался ей самым прекрасным и добрым мальчишкой на земле. И самым лучшим другом.

Котов таким и являлся. Конечно, если человек не разбивал ему сердце, не предавал и не топтал его гордость. За свою боль Дима яростно сражался. И Ася не могла его винить. Он был один против целого мира. Это не была его позиция, это был горький урок, который ему раз за разом безжалостно преподавала жизнь и который он знал назубок.

И недопонимание с Асей – очередное тому подтвержде-

ние: Дима решил, что она его предала. И теперь не поверит ни одному ее слову. Она столько раз предупреждала его, отталкивала, не выбирала. Неудивительно, что ложный сигнал бедствия он принял за реальный и решил спасти остатки своего сердца, первым разорвав дружбу.

Ему было больно. Невыносимо. Спасибо, что после всего Котов вообще с ней разговаривал. Шутил. Что бы он там ни выкидывал – он не переходил границу. Если не считать того, что Дима перестал делать вид, что они ненавидят друг друга в школе. Как раз в тот момент, когда настоящая ненависть в его сердце расцвела ядовитыми цветами.

Ася нагнулась и подхватила рыбу, с которой несколько минут вела беседу, чтобы хоть как-то себя отвлечь.

– Держи. – Она кинула ею в Диму, чувствуя, как внутри сжало от воспоминаний о том волшебном зимнем утре. К горлу подступил шершавый ком. Рыба попала Котову по макушке, отчего тот снова зашелся ругательствами, пораженно переводя на нее взгляд.

– Волгина, ты меня убить решила?

Упс. Ася виновато замотала головой, натянуто улыбнулась и как можно небрежнее произнесла:

– Как раз отдаю тебе Йорика, чтобы ты тут не помер. Приложи его к пострадавшей ноге, ну и… к голове.

– Йорик сам ко мне так приложился, что исцеление наступило мгновенно.

Дима скептично осмотрел упавшую к его ногам рыбину,

щупая образовавшуюся на голове шишку.

– Ай да Йорик, значит, я в нем не ошиблась! С выздоровлением, – взволнованно затараторила Ася, игнорируя разлившийся в груди жар и сухость в горле. Подушечки пальцев кололо от мучительного желания наклонить голову Димы и осмотреть ушибленное место.

– Спасибо, Волгина, ты такая заботливая.

Дима действительно, чуть качнувшись, поднял с пола рыбу и приложил ее к шишке. Со сдавшимся, страдальческим видом поджав губы. И вопреки всей ситуации, Ася едва не рассмеялась. Нервное, наверное.

Выскочив из морозильной комнаты и чуть ли не задыхаясь от рвущегося наружу смеха, она произнесла:

– Что ж, не буду вам мешать. Оставлю вас с Йориком наедине.

– Я пришлю тебе больничный счет, Волгина!

Снова этот насмешливый голос.

– Йорик все оплатит! Мы с ним договорились, – крикнула Ася, прежде чем вбежать на лестницу.

– Покушение на мою жизнь тоже было в ваших планах?

Котов последовал за ней уже без ящика. Он старался как можно меньше наступать на левую ногу, когда поднимался по лестнице, сверля Асю убийственным взглядом.

– Ну, не только же тебе строить козни против меня.

Ася на выдохе развернулась, неожиданно осознав, что находится выше Димы. На две ступеньки. Ася готова была на-

клониться и подуть на его шишку, но вдруг над ними замигали лампочки.

Где-то рядом раздался пронзительный вопль, а затем грохот, от которого сердце испуганно замерло. Ася не успела среагировать, как Дима прижал ее к стене легким и порывистым движением, закрыв собой. Он быстро оценил обстановку.

– Не подумай ничего такого, Волгина. Просто мне наверняка не заплатят, если я не сохраню твое… тело.

Дима лукаво выгнул бровь, и Ася смущенно поперхнулась, вспомнив, как ранее сама прижималась к нему, как к лучшей на свете грелке. *Господи.*

– Да пожалуйста. Можешь продолжать делать свою работу, – совсем тихо проговорила она, устремив на него робкий взгляд.

Они напоминали парочку из какого-то романтического боевика. Казалось, еще немного – и Асе придется достать спрятанные на бедре под элегантным черным платьем дротики, а Дима откуда-то выхватит пистолет. И они единственные на этом вечере могут всех спасти. В реальности же Дима взял ее под локоть и под крик где-то наверху шепнул:

– Какой, однако, травмоопасный парень. Волгина. Он явно выбрал не ту сферу интересов. Ему бы лучше дались махинации с отмыванием денег у людей… Ну, знаешь, он бы бросался под колеса их тачек и…

– Я уверена, что это… случайность.

Ася судорожно втянула носом воздух. Мир перед ее глазами разбивался на миллион осколков, как и мечты о будущих танцевальных победах.

– Даже не сомневаюсь, – недоверчиво фыркнул Дима, а затем потряс ее за локоть и, нахмурившись, пробормотал, кажется даже не моргая: – Это не я. Волгина, я был с тобой. Если что, пойдешь свидетелем в этом деле.

Дима заговорщически сощурил глаза. А затем со сдавленным смешком добавил:

– Может, он перепутал конкурсы и решил взять первое место не в танцах, а в падениях? И сейчас откуда-то выбежит чувак и вручит ему медальку за старания?

– Котов, не смешно. Все же очень серьезно!

– Эх, жаль твоего кавалера.

Дима притворно вздохнул, и Ася с возмущением пихнула его локтем в бок.

И тут произошло то, что испортило и без того испорченный вечер еще сильнее: во всем «Белом лотосе» погас свет. Это не сулило ничего хорошего. Как и то, что Сева Морозов снова пострадал и ему требовалась срочная медицинская помощь.

Глава 2. Лгунья

Ася проснулась от того, что замерзла. Набросив на плечи плед и скользнув по ледяной простыне, она перебралась на другой край кровати. Опустила озябшие ноги в пушистые теплые тапочки, подсветила темноту фонариком на мобильном и направилась к шкафу, чтобы погрузить свое дрожащее от озноба тело в несколько слоев теплой одежды. Ну, хотя бы в парочку. Вчера, когда в «Белом лотосе» появились перебои со светом, она узнала от напряженной Марты, что у них проблемы со счетами и долги. И что, похоже, это только начало их бед. Не то чтобы Марта делилась с ней каким-то секретом: Ася сама подглядела в бумажки в кабинете, когда сестра отвлеклась. Судя по количеству нулей и красных штампов – они близки к банкротству. Марта, правда, сказала, когда заметила Асю, что та слишком драматизирует и что у них все нормально. Временные трудности.

Отморозить все внутренности – тоже «временные» трудности?

Белый свет фонарика задрожал, рассеянными всполохами вырывая яркие рисунки и надписи, пока она медленно выдвигала нижний ящик шкафа. Ася выругалась в темноту и дрожащими пальцами натянула любимую толстовку поверх пижамы и теплые носки. Сердце сжалось от воспоминаний.

Да блин.

Она взяла *не ту пару*. И как они оказались неспрятанными?

Под одинаковыми одноцветными гольфами лежал ворох пестрых смешных носков. Дима дарил ей их без всякого повода. Иронично приподнимал бровь, оглядывал ее с хитрым прищуром и широко улыбался, вручая свой подарок так торжественно, будто это был слиток золота. Ася нервно откашливалась, но ее взгляд загорался от робкой радости.

Сколько бы она ни прятала себя, Дима всегда видел ее. Настоящую.

Ася дорожила тем, что перед ним можно было показать свою душу в разноцветных нелепых заплатках, не боясь, что ее разорвут на клочки. Дима разве что проведет пальцами по ее шрамам-швам, забирая боль. Он всегда знал, как ее поддержать и поднять ей настроение. Ася вспомнила один из таких дней, когда он принес ей носки с кактусами.

– Ась, угадай что?

– О нет, я узнаю этот хитрый взгляд.

– Ты сегодня не удостаиваешься привиле… чести увидеть мой идеальный пресс с шестью кубиками.

– Тогда что?

Ася лежала калачиком на полу, а Дима с сияющей улыбкой присаживался рядом на корточки, пробравшись в номер поздно вечером, когда она уже засыпала под тихое бормотание героев на экране ноутбука, не отвечая на сообщения.

– Буду мучить тебя этими ужасными носками.

Асе хотелось рассмеяться сквозь слезы.

И как он понял, что ей грустно? Как Дима всегда угадывал ее настроение?

– Котов, они что, с кактусами?

– Именно. – Его губ касалась улыбка триумфатора, а взгляд погружал Асю в штормящий зеленый омут без возможности выбраться. – Позвольте ножку, ваше высочество.

Дима протягивал руку, шутливо вставая на одно колено и склонив набок голову. Его лицо подсвечивал тусклый свет от ноутбука, за окнами царила тьма. А сердце Аси трепетно сжималось в груди, пока она пыталась проглотить шершавый комок в горле.

– Какая безвкусица.

Одинокая слезинка упала на щеку, но губы дрогнули в благодарной улыбке.

– Ого, тебе настолько нравится?

О да. Она просто в восторге. Спасибо.

– Не обольщайся, может, еще не подойдут. Надо проверить.

Ася подыгрывала ему, стараясь подавить внутреннюю бурю. Ей хотелось улыбаться для Димы. Хотелось, чтобы он не переживал за нее настолько, чтобы пробираться в ее комнату после смены на заправке, вместо того чтобы идти домой и отсыпаться.

Ася ложилась на спину и, опираясь о пол локтями, вытягивала вверх ногу. Взгляды друзей мерцали в полумраке, точно два одиноких огонька, тянущихся друг к другу. Дима, коснувшись пальцами ее лодыжки, медленно натягивал на ступню носок. А щеки Аси горели.

– Котов, щекотно! Можно поосторожнее?

– Терпи. Или останешься без подарка.

– Я, пожалуй, предпочту второй вариант.

– Поздно, леди. – Его руки, уже захватив ее лодыжку в плен, принимались щекотать, вызывая у Аси возмущенные ругательства. – Это вам за то, что не отвечали на мои звонки.

– Все время не могу привыкнуть, что ты научился пользоваться телефоном.

– Если считаешь меня таким дикарем, то я могу этим воспользоваться, Волгина. И укусить тебя.

– Ладно-ладно, ты очень даже цивилизованный. Например, цивилизованно заходишь через окно.

Ася тихо рассмеялась, весело ему подмигнув.

– Заметь, оно до сих пор целое.

– Явно прогресс.

– Это не похоже на похвалу.

– Как только моя нога окажется на свободе, я подумаю, чтобы погладить тебя по голове за такие старания.

– Обещаешь?

Дима замер, его улыбка стала шире, он все так же самым жестоким образом щекотал ее пятку, вызывая приступ смеха, но сохранял такое невинное выражение лица, будто не делал ничего ***такого****. Волк в овечьей шкуре.*

– Посмотрим на твое поведение.

Промелькнувшие перед глазами картинки воспоминаний ущипнули сердце. Ася, часто моргая, рассматривала рисунок, пальцы трогательно гладили вышивку и изучали надписи. Опомнившись, она ощутила соленый привкус на приоткрытых губах. Влажные дорожки обжигали кожу щек. Ася даже не заметила, как начала плакать.

Да, она невыносимо скучала по Диме.

Две недели назад, там, в кафе на набережной, у нее перехватило дыхание, когда она увидела Диму. Стало понятно, почему он избегал ее. Не хотел, чтобы она видела его таким покалеченным. Подушечки пальцев закололо от желания коснуться его ладони, обожженной раной, обнять, так порывисто, крепко, чтобы забрать его страдания себе. Но Ася не сдвинулась с места.

Как бы Дима ни притворялся, она остро чувствовала, что

с ним что-то не так. Он передвигался не просто тяжело, как бывало после драк, а гораздо *хуже*. Так, будто позволил себя разрушить, не выставив никакую защиту. Позволил себя ранить.

У Аси никогда не было теплых отношений ни с кем из «Лебедя», кроме разве что Лианы с этого года и Севы, который выбил место среди них своим талантом, а не потому, что быть частью этого ансамбля – престижно. «Лебедь» был сборищем высокомерных детишек, которые и танцевали-то иногда со скукой на лице, просто повинуясь воле родителей. Их частная школа выделялась на фоне государственной ярко-синей формой и токсичной, почти отравляющей легкие атмосферой богатства и пафоса. И все, кто в нее не вписывался, – целевики, стипендиаты, гении – оказывались мишенью. На каждого из них в свое время был нацелен курок травли. И летели пули. Со временем кто-то входил в круг их доверия, а кто-то начинал сиять так ярко, что лезть к нему стало небезопасно, – например, к Морозову. А кто-то научился защищаться и драться так, что приближаться было себе дороже. Аварийно опасно. К таким, как Котов, который яростно боролся за возможность здесь остаться.

До той самой драки на поле.

Ася не ожидала, что Дима слышал ее фальшивую пламенную речь, и более того, что он в нее поверил. Но она не могла его в этом винить. С детских лет их дружба оставалась тайной, и ей часто казалось, что Дима считал, что она его стес-

нялась. Но все было совсем не так. Она оступилась однажды, разрушила репутацию семьи и не могла позволить себе ошибиться снова. Поэтому неудивительно, что Дима решил: она предала его ради своего будущего.

И теперь любые ее попытки с ним поговорить оборачиваются игрой на его эмоциях. Потому что она всегда *первая* от него отказывается.

Может, для Димы будет лучше, если их дружба вот так закончится. Он говорил ей недавно, что выдержит ее предательство. Неужели ждал этого уже тогда? Поэтому был таким несчастным?

Ася перестанет его мучить. Он найдет себе тех, кто будет его ценить. Ведь он правда этого заслуживает. Лучшего отношения в этом мире. А она… девочка с хаосом в голове, напуганная, неуверенная, тень своей семьи, не принадлежит даже самой себе. Кукла в руках мамы. Хоть и сломанная и не особо любимая. Даже если за последние две недели между ними наступила долгожданная оттепель.

К своему удивлению, Ася не чувствовала по этому поводу эйфории. На фоне ссоры с Димой эмоции внутри поблекли, а реальность представала в черно-белых кадрах, от которых хотелось сбежать. Потому что вместе с «призом» она потеряла единственного человека, перед которым не нужно было все время улыбаться, который принимал ее и поддерживал такой, какая она есть.

Сердце оглушительно ухнуло вниз, а кожа на лице вспых-

нула там, куда прикасались его мозолистые, горячие пальцы, выбивая из легких воздух. Тогда Дима сказал, что между ними все кончено.

Почему же тогда его прикосновения были такими трепетными? Почему они точно просили об обратном?

Чушь. Тогда бы они все еще дружили. Надо меньше тешить себя ложными надеждами.

И вообще, ей теперь не нужны все эти носки, футболки, бусики ручной работы, что прятались под кроватью в ее тайной коробке. Ася вроде как взрослеет, получает возможность стать достойным членом семьи. Нельзя заниматься глупостями, жалеть себя и то и дело вспоминать о лучшем друге.

Грохот закрывшегося ящика, тихая ярость на себя, смешанная со слезами, сотрясли темноту номера и прокатились болезненной вибрацией по телу.

Ася отбросила в сторону носки с кактусами и надела гольфы черного цвета, доходившие ей почти до колена, а затем забралась обратно на кровать и накрылась с головой одеялом, прижимая коленки к груди, пытаясь согреться. Или защитить себя от эмоций, что терзали душу.

Дима больше ей не нужен. Она справится. Им обоим будет лучше не знать друг друга.

Глава 3. Школьная проблема

Завтрак проходил в главном обеденном зале. По углам стояли обогреватели, на стульях покоились пушистые пледы. Было даже что-то уютное в том, чтобы, забравшись с ногами на плетеный стул, держать в руках чашку с какао и наблюдать, как за широким панорамным окном шумит большой клен, склоняясь ржавыми листьями к пустому нутру бассейна. Как на холодно-голубом небе смешиваются медленно плывущие грязно-серые тучи. Как за каменным забором, далеко-далеко, виднеется темно-синяя полоска спокойного моря.

Пахло кофе, свежими булочками и жареными яйцами. Редкие постояльцы собирались за общим столом в теплой одежде, смеялись, кутались в пледы и подливали в свои кружки из большого термоса горячий ароматный чай.

Марта в спортивном костюме после утренней пробежки

неторопливо пила кофе, едва притрагиваясь к овсянке с ягодами. Выглядела она не очень. Темные тени застыли под карими глазами. Мама опустилась на соседний свободный стул с тихим вздохом, услышав который Ася вздрогнула и перевела на нее встревоженный взгляд.

– Как твоя нога?

– Прекрасно. – Мама отстраненно улыбнулась, но от Аси не укрылось то, как она напряжена, как тяжело ей держать эту маску сильной женщины.

Шрамы всегда болели в холод. И в дождь. Ася знала.

Скорее всего, из-за отключения отопления и резкого понижения температуры у мамы болело колено. Но она не позволяла себе показать слабость, не позволяла о ней заботиться.

– Рада слышать. – Ася подавленно уткнулась взглядом в чашку с какао.

Аппетит пропал. Приторная сладость напитка вызывала лишь тошноту. За их столиком тягостное молчание, прерываемое неловким покашливанием, стуком столовых приборов о тарелку. Ася была уверена, что, как только мама снова позволит ей стать ближе, каждый день будет наполнен весельем, как в детстве. Она будет с разгона бежать в ее объятия, кружиться и рассказывать обо всем на свете. Они снова станут лучшими подружками. Самыми близкими.

Но, похоже, прошло слишком много времени. И прошлое уже не получится вернуть назад.

– Резервные генераторы протянут разве что пару недель, – разорвала тишину Марта, серьезно посмотрев на маму; пальцы провели по темной обложке ежедневника, пестрящей тысячей стикеров. – Нам нужны спонсоры. Или кредит.

– Мне иногда кажется, что это ты здесь из нас всех единственная взрослая, – неожиданно рассмеялась мама, но смех ее прозвучал фальшиво; сердце Аси прострелило нехорошим предчувствием. – Сходим поговорить к Антонине Львовне, попросим у нее выделить нам средства. У нее как раз будет официальный прием в честь открытия нового люксового отеля.

Нет, пожалуйста, мама.

Только не к этой женщине. Ты же не серьезно, да?

Желудок скрутило, с губ сорвался болезненный вздох.

Упоминание бабушки каждый раз вызывало в Асе липкий животный страх.

– Я… – вмешалась Ася, судорожно пытаясь вдохнуть, в зале вдруг стало невыносимо душно, – не думаю, что это хорошая идея.

– Ася, ты уже достаточно взрослая, чтобы справиться с одним вечером. Нам нужна эта встреча. И вы должны быть к ней готовы. Обе. Вы же знаете, как для вашей бабушки важна репутация, так что мы должны показать ей, что достойны ее благосклонности.

Мама замолчала, обхватив себя за плечи, будто почувствовав уязвимость. Она не называла эту женщину «мамой»,

точно боялась, что это слово ее оскорбит. Только «Антонина Львовна» или «бабушка», но в голове Аси последнее тоже не укладывалось.

Ася не могла пошевелиться: что-то внутри нее с оглушительным грохотом упало, впилось осколками в грудь. Возможно, у нее внутреннее кровотечение. И ей срочно нужно оказать первую медицинскую помощь. И уложить на носилки.

Дыхание перекрыла паника, все вокруг нее начало кружиться и смазываться, как в калейдоскопе. Она оказалась в одном шаге от истерики.

– Антонина Львовна за последние шесть лет попадала раза три в рейтинги самых влиятельных людей побережья. Вместе с сыновьями,– проговорила Марта. *Правда, у Антонины Львовны есть еще и дочь и две внучки, о которых она забыла. Но кого это волновало? Уж точно не эту женщину, которая вышвырнула родных людей за порог своей «благосклонности», посчитав их невыгодным вложением.* – Так что это вполне может сработать…

Она сделала драматичную паузу.

– …конечно, если Ася снова все не испортит.

Ася вздрогнула. Она различала только остатки длинной сухой речи Марты, где та зачитывала все достижения их бабушки, старшей Волгиной, статистику продаж путевок в ее сеть отелей, выручку, хвалебные отзывы посетителей. И добила, послав Асе неприязненный взгляд.

Марта все еще считала ее браком. Помехой. Бабуш… И Антонина Львовна думала точно так же. Она даже пыталась ее в детстве починить. Выкручивая руки, вырывая из ее груди маленькое любящее сердце и втаптывая его в пол своими идеально сверкающими красными туфлями…

Безуспешно.

Слова старшей сестры застряли в ребрах, точно пулевое ранение. Ася быстро сморгнула набежавшую слезу, чтобы никто не заметил. Она кожей чувствовала пристальный, выжидающий мамин взгляд. Холод застыл коркой на позвонках, и, вопреки желанию сбежать, Ася сдавленно произнесла:

– Конечно. Я понимаю, как это важно. Я не сорвусь.– *Сорвется, она точно сорвется,* как тогда, дрожа от страха на полу, кусая губы в кровь, вспоминая, как эта женщина запирала ее в темной комнате и даже лишала еды. – Покажу ей и этим напыщенным задницам из элиты, из чего сделаны девочки Волгины! Могу еще перед ними станцевать, надо?

Сорвалась. Опять.

Виноватая улыбка царапнула губы.

– Ася. – Мама остерегающе хлопнула по столу, взглядом моля прекратить. – Мы не ведем себя подобным образом за столом. И не выражаемся.

Но я человек, мам, не кукла. Я не всегда могу контролировать свои эмоции, когда мне больно.

Ася медленно встала из-за стола, тело онемело от напря-

жения, воздух казался сухим и горячим из-за обогревателей, в носу щипало. Этот зал больше не казался ей уютным. Утро застелило пеленой черного страха. Сердце кольнуло от осознания: мама всегда остается на стороне *бабушки*. Она никогда ее не поддерживала и не защищала после *того* дня, когда все в их семье рухнуло.

Изменится ли это даже после того, как она выиграет все конкурсы мира по танцам, стирая стопы до кровавых мозолей? Или все ее отчаянные попытки получить от этой женщины хотя бы немного тепла бесполезны?

Ася повесила в школьном гардеробе пальто и, пару раз промахнувшись, все же уронила на пол шарф. Переобулась в туфельки на невысоком каблучке, оставив ботинки, заляпанные грязью, под одной из лавочек. Руки все еще немного дрожали после утренних новостей, но слез больше не было.

Хватит быть такой плаксой.

Никто в этой семье не пожалеет. У них давно так не принято.

Ася застыла в толпе школьников, задумавшись, и не заметила, как кто-то толкнул ее плечом, проталкиваясь вперед, к

кабинетам. Не удержавшись, Ася покачнулась и завалилась на того, кто стоял позади. Тело будто накрыло штормовой волной, обрушивающейся на кожу мурашками и… *ароматом сладкого персика? Блин.*

– Успела соскучиться по мне, Волгина? – прозвучал рядом вкрадчивый, насмешливый шепот, в котором Ася уловила что-то вроде трепета. Ухо обожгло чье-то теплое дыхание.

Дима. Точно он, но откуда взялся этот персик?

Ася поежилась:

– Котов?

– Волгина, я держать тебя не нанимался. Чем будешь платить за мое благородное пожертвование тебе крепкого мужского плеча?

Льстец. Скорее уж крепкой груди.

Внутри у Аси плескалось столько чувств, что она так и не повернулась, когда его пальцы невесомо прочертили дорожку вверх, по ее рукам, посылая импульс, и опустились на плечах, разворачивая к себе с почти требовательным напором.

Ася едва не врезалась носом ему в грудь, с усилием заставляя себя замереть. На шее Димы выступила вена, скрывшаяся за воротом толстовки, чуть ниже темнела корка ужасного ожога – он тянулся дальше, по руке и груди.

Кадык Димы дернулся, а прикосновения его пальцев стали ощущаться ярче, когда, вопреки здравому смыслу и толпе вокруг, Ася не сбросила его руки, едва ощутив их на ого-

ленной коже. У линии ключиц, где раньше находилась… ее ленточка!

У нее резко сбилось дыхание.

– Какого чер… – Ася вздернула подбородок, совершив катастрофическую ошибку, потому что через долю секунды буквально разбилась о его острый прищур.

– Тсс… – Дима цокнул языком, кривя губы в усмешке, нравоучительно качая головой. – Принцессы не ругаются, Волгина. Не знаешь правил этикета?

– В-верни мою ленточку.

Ася запнулась, пораженно наблюдая за тем, как Дима выставил перед ней руку, согнутую в локте, и принялся обвязывать ее синюю форменную ленточку вокруг своего запястья, затягивая ее на узелок *зубами* и не сводя с Аси внимательного взгляда, в глубине которого, казалось, взрывались фейерверки золотых искорок-смешинок.

Это очень-очень плохо.

Этот животный жест заставил Асю закусить губу, когда в животе разлилось странное тепло.

– Хм-м, так мне ее тебе вернуть?

– Нет, гадость какая. – Ася старательно делала вид, что ей противно, еще и нервно фыркнула, становясь пунцовой от смущения. – З-забирай.

– Вот спасибо, на мне не хватает синего. Я забыл свой галстук, так что одолжу ее до конца уроков.

– Да хоть до конца жизни, не думай мне ее возвращать,

Котов!

– Сама Волгина сделала мне подарок, вау. – Дима одарил ее хитрой улыбкой.

Они все еще стояли посреди коридора, без возможности отдалиться друг от друга из-за толкучки, и Ася чуть ли не задыхалась от его близости, не в силах сбежать от него *такого*.

– Я так тронут, что попрошу меня вместе с этой лентой похоронить. Можно это считать твоим знаком симпатии?

– Могу тебя похоронить хоть сейчас, хочешь?

Дима перестал улыбаться, обнажив свои истинные чувства, и склонился ниже, так, чтобы их никто не подслушал. Его пальцы осторожно заправили выбившийся из прически Аси непослушный локон. Он словно заигрывал, а не разбивал ее на части своими следующими словами:

– Ты уже *похоронила* мое сердце. Мое тело тебе не достанется.

Ася оцепенела. Ей казалось, что она кричит, но крик все не вырывался из груди, скапливаясь внутри невыносимым давлением.

Дима забрал с собой все ощущение тепла, когда обошел ее, слегка задев плечом. Ася невольно зацепилась взглядом за другую его руку и с удивлением заметила на ней пластырь с обезьянками. Эта маленькая, незначительная деталь образовала комок в горле. Это было так трогательно, так лично, что Ася невольно закрыла глаза.

Еще одна очередная глупость, в которую хотелось верить.

Впрочем, может, это было просто совпадение.

Все чувства в груди разом померкли. Там, за ребрами, расползлась беззвездная ночь, когда Ася увидела, как Дима положил эту самую руку на хрупкие плечи высокой блондинки, которую Ася еще ни разу не видела в стенах школы. Наклонился к ней и что-то со смешком произнес.

В ушах заложило.

Эта девочка слишком выделялась на фоне других учеников. И дело было не во внешности, а в простоте. Открытое лицо с огромными голубыми глазами, никакой косметики. Пепельно-белые волосы с легкими йогуртово-розовыми локонами, придающими ее образу воздушное очарование, и ровная челка. Простая форма, с которой она совершенно ничего не делала: юбка клеш до колена, широкий пиджак, обычная белая рубашка. Единственное, что казалось чудным, – гольфы. Высокие полосатые разноцветные гольфы и розовые стоптанные кеды. И много-много плетеных браслетов на тонких запястьях.

И все равно все эти *нелепые* вещи ничуть не портили незнакомку. Ее взгляд казался то ли любопытным и открытым миру, то ли ярко-голубой бездной, в которую лучше долго не всматриваться – Ася не могла понять точно. Для своего возраста она казалась слишком худенькой. Ее фигура была идеальна, будто выточена, согласно суровым стандартам женской красоты. Безжалостно безупречна. Эту девочку точно вытащили из модного журнала и забыли запихнуть

обратно.

Кто она такая? Из какого класса? Она же не может быть просто привидением, которое ей мерещится? Неужели, пока Ася страдала по разорванной с Димой дружбе, он успел найти себе девушку?

Ему никогда не были интересны девчонки из школы. Все его редкие знакомства и свидания касались приезжих отдыхающих или же девочек из его района.

Дима неожиданно обернулся, посмотрел прямо в глаза. Ася почувствовала, как окаменели мышцы и свело спазмом горло в молящем *«ты же не станешь»*, которое она не позволила себе произнести вслух, когда руки Димы медленно сомкнулись на талии незнакомки.

Ася сделала над собой титаническое усилие, чтобы двигаться вперед. Заставить себя подойти к лестнице и подняться в свой класс. В груди будто ворочались раскаленные угли. Руки Димы хотелось отодрать от тонкой талии девчонки, но Ася проглотила едкие слова, готовые сорваться с языка. И, конечно же, ничего не сделала.

Прекрасно. Он может быть милым с девочками из школы. Нормальным парнем. Не только для нее *одной*.

Ее старания не прошли даром! Она первоклассный учитель. Пусть скажет ей «спасибо». В память об их похороненной дружбе. Какой бы плохой подругой она ни была, все же что-то же хорошее в его жизнь привнесла. Правда, Дима вряд ли так считает.

Его рука с чертовым пластырем с обезьянкой скользнула меж длинных локонов красотки, вызывая в сердце Аси сметающую все на своем пути боль.

Ты похоронила мое сердце.

Это ее сердце в руинах.

И все-таки, как бы Ася ни пыталась игнорировать общение Димы с новенькой, в первый же день ее появления в школе она решила за ними проследить. На большой перемене, завидев белоснежную макушку и знакомую красную кепку, она выскользнула из толпы учеников, стремящихся прорваться в столовую, и едва ли не по стеночке прокралась в конец коридора, мечтая нигде не застрять. Ее выбор пал на автомат со снеками и напитками, за который она и поспешила спрятаться, чтобы подслушать разговор.

– То, что мне Дава рассказывал о тебе, это правда?

– Совершенно верно. Я в этом спец.

– Даже не думайте. – Дава встал между ними, страдальчески вознеся руки к потолку. – Не хватало еще в твой первый учебный день оказаться у завуча на ковре.

– Не боись, Фиса, у меня есть суперсила. Мы не попадемся, я знаю все тайные места в этой школе.

– Твоя суперсила, Димыч, с завидной регулярностью влипать в неприятности. И вообще, тебе мало твоих отработок в «Лебеде»?

– Я слышу страх в твоем голосе, черт. – Дима положил руку на плечо Давы, тихо рассмеявшись и смешно поиграв

бровями. – Так переживаешь за Фису? Я чего-то не знаю? У вас любовь-морковь? Не зря же ты с ней три года переписывался. А теперь еще и в школу нашу помог перевестись. Давид Гаспаров, объяснитесь.

Ася поперхнулась воздухом, ошарашенно вытаращив глаза.

Так, постойте, это любовный треугольник? Что там у них происходило?

– Да сдался мне этот предатель! Просто пытается передо мной выслужиться за то, что бросил меня.

Бросил? Эта девочка – бывшая девушка Давы?

– Фиса, я тебя не бросал, котенок. Мы поддерживали связь все эти годы.

– Ты говорил, что уехал обратно в Москву и поэтому не можешь меня навестить. А ты жил все это время в соседнем городе!

– Ну… приврал. Отношения на расстоянии же более волнующие.

– *Отноше-е-ния…* – саркастично протянул Дима, состроив мечтательный взгляд. – Кто знал, что это черствое сердце способно на любовь.

– Ну да, издевайся, Дим. Вперед.

– Да не способно оно, он завравшаяся задница и бабник! Пошли, Дим, нечего с *этим* разговаривать.

– У этого есть к тебе чувства!

– Вероятно, это твоя дремлющая совесть проснулась. Ин-

тересно, ее случайно разбудило не то, что я встретила тебя в конце лета на пляже, а не в Москве?

– Это просто совпадение. Я давно хотел сказать тебе правду. Честно.

– Ой, еще скажи, что собирался это сделать после своего очередного «*Безумно по тебе скучаю, котенок*» или «*Я в метро, связь плохо ловит, перезвоню позже*»! Я стояла за твоей спиной, пока ты обжимался с какой-то девчонкой на лежаке!

– Не спорю, не совсем красиво вышло…

Ася приложила ладони к губам, изумленно выдохнув. *Вот это драма!* Ей стало жаль эту незнакомую ей девочку и захотелось дать Даве между ног, потому что это ужасно низко – играть с чувствами другого человека.

– Ну ты и засранец, – озвучил ее мысли Дима упавшим голосом.

– Ударь меня, если хочешь. Сам знаю, что заслужил, Дим.

Ася так распереживалась о судьбе чужих отношений, что совершенно не обратила внимание, как Дима с Фисой подошли к автомату. Поэтому, когда под воинственный крик новенькой автомат качнулся, она панически онемела – крик в горле застыл. Сердце замерло, а затем заклокотало так быстро, словно мечтало сбежать. И Ася стояла, не в силах хоть что-то сделать.

Прекрасно. Вот и все.

Корень всех ее бед – это ее попытки куда-то себя запря-

тать. Тайные миссии – точно не ее удел.

Ася тихо вскрикнула и зажмурилась, готовая встретить лицом к лицу несколько тонн, прячущих в себе целую вселенную из напитков и съестных перекусов, но на оборвавшемся дыхании ее куда-то резко выдернули. Притянули.

Голова врезалась во что-то твердое. И только сейчас получилось сделать вдох разжавшимися легкими. По ногам пробежала волна дрожи. За спиной оглушительно грохнуло.

– Вау, Анфиса, это было впечатляюще! Покажешь мне потом мастер-класс?

Ася испуганно открыла глаза, чувствуя, как уровень неловкости растет с катастрофической скоростью вместе с температурой ее тела. Моргнула. Запрокинула голову, столкнувшись с насмешливыми, зелеными, знакомыми глазами.

Нет. Лучше бы ее придавило этим автоматом!

– Волгина, тоже хочешь себе батончик на халяву?

– Ч-что?

Дима на ее вопрос качнул головой в сторону, где Анфиса, слегка морщась от боли, сидела на коленях и выгребала из павшего под ее ударом автомата снеки.

– Котенок, ну ты чего, говорил же, это плохая идея! Сильно ударилась? Дай посмотреть.

Дава, побледнев, тоже упал на колени перед автоматом, его темный взгляд остановился на лице новенькой, а пальцы коснулись ее лодыжки.

– Вывихнула?

– Я не думала, что он будет таким титановым! Это что, такая защита от взлома в мажорской школе?

Анфиса тихо всхлипнула, судорожно втянув носом воздух, и вдруг показалась Асе такой хрупкой, невесомой, несмотря на суперприемы, которые она с боевым кличем продемонстрировала, напав на автомат.

– Конечно же, ты не думала, это я отвечаю за то, чтобы думать, – мягко согласился Дава, неожиданно подхватив ее на руки, отчего Ася покраснела только сильнее, словно невольно стала свидетельницей чужого откровения. – Димыч, мы в медпункт.

– Да не нужно, все в порядке!

– Вот врач пусть и скажет, что там в порядке, а что – нет.

– Никуда я с тобой не пойду, предатель!

– Ты? – Дава смешно выгнул бровь, усмехнувшись, и лицо девушки залила краска. – Точно в ближайшие дни никуда не пойдешь. Будешь передвигаться по школе на моих руках. Исключительно.

– Дава… ты с ума сошел!

Они продолжили спорить, но Ася уже не слышала о чем, так как коридор заполнили орущие школьники, тут же начавшие грабить бедный автомат.

– С каких пор ты следишь за мной, Волгина?

Дима бросил ей в руки пакетик с ее любимым соком, опершись о подоконник. Ася подавилась воздухом, срочно пытаясь что-то придумать.

– Дима, так вышло, что я все еще несу за тебя ответственность, так что после уроков чтобы был в танцевальном классе, – проговорила она на одном дыхании, сверля пакетик сока яростным взглядом.

– Волгина, ты решила за меня ответственность нести и вне репетиций? Это так похвально.

Дима растянул губы в широкой издевательской ухмылке, довольно подбросил батончик с кокосом над своей головой, а затем вручил его онемевшей Асе:

– Держи, надзирательница, тебе понадобятся силы, чтобы за мной *следить*. Чтобы ты могла долго сидеть в засаде или что ты там еще за автоматом делала? Даже обед из-за такого важного дела пропустила.

Дима продолжал откровенно веселиться. Ася же стояла пунцовая, желая то ли швырнуть в него этим батончиком, как гранатой, то ли просто убежать. То ли все вместе. Но вместо этого она дрогнувшим голосом запальчиво произнесла, пытаясь отвоевать жалкие крохи своего достоинства:

– Опоздаешь хотя бы на минуту, будет штраф!

– Как страшно, Волгина, жду с нетерпением.

Ладно, это провал. Еще и эта ленточка на его загорелом жилистом запястье, от вида которой в животе все переворачивалось.

Она смотрелась там слишком… правильно. И провокационно.

– Что-то еще изволите сообщить, принцесса?

Дима на манер снобов коверкал слова, но все равно его голос с хрипотцой царапал ребра, волновал до скачущего в венах пульса.

Ася сглотнула, понимая, что из них двоих именно ей невыносимо оказаться по ту сторону баррикад. Не быть его подругой. Дима же этого жаждал – сбросить цепи тайны и отравлять ее душу, отравлять ее сердце, ранить тем, как открыто и свободно он с ней себя вел.

Ему теперь было плевать на ее репутацию.

На их дружбу.

На все.

И это даже не столько беспокоило, сколько вызывало внизу живота жгучий трепет.

Потому что Ася не смогла вырваться. Погребенная под запретами, она не могла жить, как раньше, пока он так легко разводил ее и так крепко держал в своих руках, как там, в коридоре, когда вытащил из-за угла за миг до того, как ее расплющил дурацкий автомат. Противоречивые чувства разрывали сердце.

– Та девочка, новенькая, вы давно знакомы?

Ася спросила совсем тихо, надеясь, что ее вопрос потонет в гуле, напоминающем неумолкающий пчелиный рой. Уперлась поплывшим взглядом в носки лаковых черных туфель. От собственных слов перехватило дыхание.

– Это тебя не касается, любопытная обезьянка.

Дима наклонился к ней. Костяшки его пальцев на секунду

– *всего лишь!* – прошлись по ее кудрявой, уже растрепанной косичке. Чиркнули ударом тока, нежно парализовали.

– Д-давно?

Ася растерянно моргнула. Расстояние между ними будто расплавилось от загустевшего воздуха.

– Целую вечность.

Дима невинно пожал плечами, закинул на плечо рюкзак и растворился в толпе, как пена, разбившаяся о каменистый берег. И вопросов от его ответа в голове Аси стало только больше.

Через неделю Ася пересеклась с гипотетической девушкой Давы и подругой Димы в раздевалке, а затем и в спортивном зале на совместном уроке двух десятых классов.

Раздевалка напоминала небольшой лабиринт из металлических серых шкафчиков. Прямоугольные окна застилала белесая пелена пара, идущего из-за сломавшейся стеклянной дверцы душевых. Стоял привычный нестройный гул девчачьих голосов. Пахло цветочными духами, мятным антиперсперантом и моющим средством.

Ася протиснулась через толпу к одному из свободных

шкафчиков, придерживая рюкзак. За ней грациозной походкой двигалась Лиана, задумчиво накручивая на палец темную прядь волос. С самого утра подруга безмолвно бросала на нее взгляды, полные ожидания. Ася все никак не могла ей признаться, что Демьян ей так и не написал после их встречи. Не то чтобы это ее удивляло, но ей совсем не хотелось расстраивать подругу. К счастью, у них были две контрольные подряд, поэтому волнующую Лиану тему они так и не успели поднять.

Но сейчас прятаться совершенно некуда.

Ася ускорила шаг, чувствуя, как в груди натягивается нервная пружинка, и врезалась в чью-то спину. Ее окутало ароматом карамели и конфет, и в ту же секунду перед глазами возникли пепельно-белые волосы. Неловко отшатнувшись, Ася хотела было пробормотать извинения, но слова застыли на губах, стоило ей столкнуться с ослепительно-голубыми глазами.

Гипотетическая девушка Давы стояла в нескольких миллиметрах от нее и взволнованно оглядывала ее с ног до головы. На шее у нее висел бархатный черный чокер с пластиковым сердечком, а тонкие запястья почти полностью покрывали тонкие разноцветные браслеты с какими-то цветочками, фруктами и сверкающими под лучами ламп камешками. Она немного походила на цыганку, которая при каждом шаге звенит браслетами, бархатно припевая: «Позолотите ручку и узнаете свою судьбу». Девочка тоненьким голоском оборва-

ла беспорядочный поток мыслей Аси:

– Ты как? В порядке?

Она протянула Асе ладонь, и камешки на браслетах отозвались мелодичным звоном. Заметив удивление на лице Аси, она смущенно спрятала руки за спиной.

– Извини! Я очень тактильная, особенно когда волнуюсь. Я просто не знаю, как правильно… Блин! Не слушай меня. Надеюсь, что ты не ушиблась…

Эта девочка казалась странной, но вместе с тем было в ней что-то притягательно очаровательное. К ней одновременно хотелось потянуться, как к теплому лучику солнца, пробившемуся сквозь тучи, и, зная, на что она способна, держаться подальше. Инстинктивно. Она и правда бывшая девушка Давы? У них, похоже, сейчас все сложно, поэтому гарантий, что она не начнет встречаться с кем-то еще, нет.

Она добрая. Дима наверняка в нее уже по уши влюблен. Потому что в душе он – ранимый и одинокий парень, который всегда тянулся к хорошим людям. Но не к Асе. Ведь она – маятник, что только раскачивал его. Ранил. И Дима постоянно ждал удара и, когда наступил ложный, он в него поверил. Поверил, что Ася его предала.

– Прости, но ты выглядишь так, будто тебе больно.

Так и есть.

– Эм, все в порядке. Ты же не железная, чтобы об тебя ломаться.

– Знаешь, – девочка вдруг понизила голос почти что до

шепота и подошла ближе, как-то печально, но доверительно улыбаясь, – мне бы хотелось быть именно такой. Железной. Прочной. Чтобы ничто не могло меня сломить. Но недавно, как ты видела, я была повержена автоматом. Ужас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.